

Оставив при уходе магическую печать, Линь И теперь возвращался, не боясь сбиться с пути. В вышине сияла холодная, безупречно чистая луна, но в лесной чаще, где переплетенные кроны скрывали небо, царил сумрак. Однако взору Линь И, пронизательному и острому, тьма не была помехой.

Удивительно. Оказавшись в этом мире и став бессмертным культиватором на стадии Перехода через Бедствие, он, за исключением знания о собственной скорой кончине, не испытывал почти никаких неудобств. Постепенно привыкнув к новой реальности, он даже обрел некое странное спокойствие. Мысли о возвращении в современный мир посещали его всё реже.

Скудные тени ложились на землю, тишину нарушал лишь едва слышный шорох оседающего инея. Лес замер в безмолвии, пронизанном глубоким одиночеством.

Линь И мог бы в мгновение ока переместиться к границе барьера, который воздвиг вокруг «главного героя», но после посещения городка Фулай на душе было скверно. Ему хотелось просто пройтись в одиночестве. Долгое пребывание в холодном и безжизненном Бессмертном дворце Линсяо стерло воспоминания о тепле, и если бы не сцена, где Лю Чуньчжи отчитывала сына, Линь И окончательно забыл бы, что когда-то и у него был дом.

Увиденное всколыхнуло в сердце старые чувства. Была ли это зависть?

Линь И тяжело вздохнул. Погруженный в думы, он вышел из-под мрачных сводов деревьев. Теперь на его плечи лег серебристый свет луны. Остановившись, он задрал голову к небу.

Случайный просвет в листве открыл ему вид на сияющий диск. Линь И невольно усмехнулся, вспомнив старые стихи: «Поднял я голову — вижу луну, голову опустил — вспомнил родную страну».

Холодный свет озарял его лицо. Линь И задумчиво опустил взгляд, гадая, почему не чувствует тоски по дому. Возможно, потому что для него не имело значения, где влачить существование — он просто жил, день за днем.

Нет, не совсем так. Теперь в этом мире был тот, кто в нем нуждался. Без него главный герой пропадет.

Успокоив мысли, Линь И зашагал дальше по лунным тропам, ступая бесшумно, точно тень. Окутанный тьмой мужчина в серебристо-белых одеждах шел вперед; его лицо, обычно лишенное эмоций, тронула едва заметная улыбка. В холодном свете луны это выражение казалось то ли болезненно-тонким, то ли горько-ироничным.

Самообман... что ж, пусть так. Тоже неплохо. Если лишиться этой привязанности, он и впрямь станет подобен Тяньвай-чжэньжэню — существу без чувств, без любви, без желаний.

Линь И глубоко вдохнул морозный воздух и выдохнул его облачком густого пара, скрывшись в густой тени. До места стоянки оставалось совсем немного. Несмотря на то что бессмертному свет не требовался, он подумал, что Сюаньюаню Куню будет уютнее у огня. Линь И достал купленное огниво, щелкнул им и наложил короткое заклинание: теперь пламя должно было гореть вечно, не обжигая и не поджигая ничего вокруг.

Огонек заплясал в его ладони, разгоняя мрак. Чувства культиватора на такой стадии были слишком обострены, чтобы нуждаться в подобных вспомогательных средствах, так что для самого Линь И ничего не изменилось.

Кроме одного...

Линь И замер. Пальцы второй руки, скрытой в широком рукаве, быстро сплели гадательный жест. Он был уверен: это то самое место.

Под деревом, на единственном пяточке земли, не припорошенном снегом, в лунном свете сидел человек.

Но это определенно был не Сюаньюань Кунь!

Линь И не стал приближаться. Направив божественное чутье, он пристально вгляделся в фигуру юноши. Одного взгляда хватило, чтобы Линь И опешил. Казалось, это мимолетное видение, эта картина застывшей красоты останется в его памяти навечно.

Демон... или морок...

Под сенью деревьев сидел юноша. Его длинные ресницы скрывали взор, а черты лица были столь изысканны, будто их вывела кисть гениального мастера. Стань он чуть старше — и этот лик превратился бы в сокрушительное совершенство, небесный шедевр. В его облике еще чувствовалась юношеская угловатость и некая незрелость, но выражение лица казалось пугающе глубоким, не по годам серьезным.

Взгляд его был холоднее луны и таинственнее ночного тумана. Глаза — точно темные бездны, губы розовые, кожа алебастрово-белая. На вид ему было лет шестнадцать или семнадцать. Должно быть, озябнув, юноша обхватил колени руками. Он неподвижно смотрел на кончики своих пальцев, погруженный в неведомые думы. Иссиня-черные волосы шелковым водопадом рассыпались по земле, отливая матовым блеском.

Этот прекрасный юноша, застывший в призрачном свете среди редких снежинок, заставил Линь И на мгновение забыть. Ему почудилось, что перед ним лесной дух, принявший человеческий облик.

Линь И никогда не видел истинных оборотней, но если бы они существовали, то наверняка

выглядели бы именно так — чарующе и губительно.

И что еще важнее... Линь И сжал губы, приходя в себя. Этот маленький демон был совершенно наг...

Но где же Сюаньюань Кунь? Разве не он должен был здесь спать?

Холод пробрал Линь И до костей. В сердце забили тревожные барабаны. Куда исчез мальчик? Кругом было пусто, чутье подсказывало, что в лесу только они двое. Возле обнаженного юноши валялась кучка тряпья — до боли знакомые лохмотья, в которые был одет Сюаньюань Кунь!

Неужели эта тварь сегодня обрела человеческий облик и просто... сожрала его подопечного? Как мог маленький ребенок противостоять такому существу?

Минутное восхищение испарилось без следа. За всё время пребывания в этом мире Линь И впервые по-настоящему осознал, что такое ледяная ярость. Магическая сила, повинувшись его гневу, забурлила в жилах.

Это была жажда убийства.

Тихий, замерзший лес внезапно ожил — зашумели ветви, поднялся резкий ветер.

Юноша, доселе безучастно смотревший на свои ноги, вскинул голову. Ветер разметал его черные волосы, но ни одна снежинка не коснулась кожи. Заметив в темноте яркий огонек, он прищурился.

В следующее мгновение Линь И возник прямо перед ним. Тень культиватора закрыла лунный свет. Юноша поднял взгляд и произнес:

— Линь И, что ты делаешь?

Линь И с трудом сдерживал ярость. Его лицо под лунной тенью оставалось бесстрастным, но веяло от него могильным холодом. Услышав свое имя, он нахмурился. Голос прозвучал резко, точно удар стали:

— Маленькая бестия, ты сожрал ребенка, что спал здесь?

Оборотни, пожирая людей, забирают и их воспоминания. То, что он знает имя, не было удивительным.

Юноша посмотрел в потемневшее лицо Линь И, прищурился, и в уголках его губ промелькнула

усмешка. Он поднялся на ноги. Ему всё еще приходилось смотреть на Линь И снизу вверх — тело было недостаточно высоким. Юноша рассмеялся и, перестав задирать голову, опустил взгляд.

— А если и сожрал, что ты сделаешь?

«Тебе ведь всё равно, Линь И, ведь это не твоя книга. Исчезновение Сюаньюаня Куня ничего не изменит».

Лес стонал, деревья качались. Поток воздуха, подобный удару хлыста, прорезал пространство, и в то же мгновение Линь И впечатал юношу спиной в ствол дерева.

Его пальцы сомкнулись на тонкой шее. Достаточно было малейшего усилия, чтобы прервать эту жизнь в муках. Но юноша даже не вздрогнул. Казалось, он ни во что не ставил собственное существование. Пряди его волос коснулись запястья Линь И.

Эта улыбка была невыносимо прекрасна, но для Линь И она стала последней каплей, дерзким вызовом. Раздражение достигло предела.

— Если ты съел его, — глухо произнес Линь И, — я убью тебя, а потом найду способ собрать его сущность по крупицам.

Годы жизни в двадцать первом веке не прошли даром — он сомневался, стоит ли убивать вот так, без суда, но законы этого мира были суровы. Оборотень ест человека, повинуюсь природе, а человек уничтожает угрозу, повинуюсь силе. Здесь правил закон джунглей.

Линь И не мог унять огонь в груди, но в облике юноши было нечто до боли знакомое, что мешало нанести смертельный удар.

— Собрать сущность... Знаешь ли ты, сколько духовных сил на это уйдет? — Почувствовав, как пальцы на горле сжимаются сильнее, юноша улыбнулся еще шире. Лунный свет заиграл в его глазах. — Насколько мне известно, вы знакомы всего день. Неужели он так важен для тебя?

Важен?

На бесстрастном лице Линь И наконец появилась трещина. Он принял этот мир. И нельзя было отрицать: единственным, кто был ему здесь дорог и знаком, был главный герой. Даже в реальности этот персонаж был его «смыслом» на протяжении нескольких лет.

Он был автором, и сейчас понимал это отчетливо как никогда. Он не был рожден для героя, и герой не был рожден для него. В этом мире он волен выбирать свой путь, и ему вовсе не обязательно быть тенью Сюаньюаня Куня. Он больше не творец, здесь они — просто два человека.

Всего лишь два человека. Случайные встречные, которым он сам, по собственной воле, навязал роль «смысла жизни».

Линь И одной рукой удерживал юношу, а другой погасил пламя. Тонкие пальцы, высунувшись из широкого рукава, коснулись морозного воздуха. Луна была холодной, как вода, снег — колючим, как лед. Одним пассом он превратил летящие снежинки в сияющий ледяной меч.

— Нет, — искренне ответил Линь И. — Он не так уж важен.

Холодный блеск меча отражал луну. Линь И вдруг понял, почему так легко вжился в роль Тяньвай-чжэньжэня. Видимо, они и впрямь были похожи. Например, этой привычкой цепляться за выдуманные смыслы.

Линь И ощутил странное облегчение. Он занес клинок, глядя на врага с ледяным безразличием.

— Но ты сожрал его. И это меня очень расстроило.

Расстроило?

Юноша не вздрогнул, лишь с любопытством захлопал ресницами, глядя на Линь И так, словно перед ним был не палач, а досадная помеха. Он прищурился, вздохнул и без тени страха накрыл ладонью запястье культиватора.

— Линь И, это я. Я — Сюаньюань Кунь.

Линь И не поверил бы в этот бред, но клинок всё же замер в паре дюймов от груди юноши.

— Что за чушь ты несешь?

— Мне... немного не по себе, — Сюаньюань Кунь слегка похлопал Линь И по руке. — Обычный человек давно бы испустил дух от такой хватки, а я всё еще жив.

Линь И знал это, потому и призвал меч. С самого начала его что-то останавливало, какая-то подсознательная узнаваемость. Но признавать очевидное не хотелось.

— Жив, потому что ты — демон?

Сюаньюань Кунь кивнул на пустое место рядом с собой и вздохнул:

— Я не лгу. Взгляни на магический барьер — он цел. В него можем войти только мы двое.

Вспышка гнева ослепила его, и лишь теперь Линь И заметил, что защита не повреждена. Но как же... Он нахмурился:

— Сюаньюаню Куню... всего восемь лет.

Губы юноши дрогнули в улыбке. Теперь он открыто насмехался над ним, хотя рука Линь И всё еще сжимала его горло, а острие меча целилось в сердце.

— И кто же тебе сказал, что мне восемь?

Гнев окончательно утих, уступив место холодному рассудку. Линь И вновь посмотрел на юношу, и теперь эта улыбка казалась иной. Луна золотила обнаженные плечи Сюаньюаня Куня. Линь И поспешно отвел взгляд и медленно разжал пальцы.

Проверив барьер духовным чутьем, он окончательно убедился: это действительно Сюаньюань Кунь.

Линь И почувствовал жгучую неловкость. Не мог же он признаться, что сам прописал этот возраст в настройках персонажа.

— Тогда как ты... превратился в это? И... сколько тебе лет на самом деле?

На сей раз промолчал Сюаньюань Кунь. Он поджал губы и ответил вопросом на вопрос:

— Когда я спал, ты ведь вливал в меня свою духовную силу?

Линь И кивнул. И тут его осенило:

— Так вот в чем причина?

<http://bllate.org/book/17554/1709488>